

19 января 1968 года

ГЛАВНАЯ ЛИНИЯ

...Динамик в гримировочной еще помалкивает. Тихо и пусто в зрительном зале. Изредка постукивают молотки на сцене: ставят декорации. До спектакля два часа. А Самойлов уже гримируется.

Он кладет тон на лицо. Прищурившись, вглядывается сам в себя. Крепкими, уверенными пальцами выщипывает щеки, нос, подбородок и время от времени вскидывает взгляд вверх, направо. Там в рамке зеркала прикинута фотооткрытка: Ленин в профиль. Я уже второй раз присутствую при этом священнодействии, когда с помощью грима лицо Самойлова приобретает дорогие черты. В первый раз это было в день сдачи спектакля художественному совету, часов в десять утра. Самойлов выглядел усталым и осунувшимся: вчера только прободался на Подвойского в «Шестом июле» на «Мосфильме», ночью в поездке выпалиться не удалось.

— Как думаешь, а это, наверное, даже неплохо, — обратился он тогда ко мне, — что круги под глазами. Если по-человечески во всем разобораться, ему ведь тогда тоже не до сна было: день и ночь работа, заседания ЦК, изматывающие споры о войне и мире...

С тех пор он уже много раз играл Ленина в новом спектакле театра драмы по пьесе В. Раздольского «Вьюга», постановку которого на горьковской сцене осуществил главный режиссер театра Б. Воронов. Спектакль уже «обжил», «обкатался», но каждый раз перед тем, как выйти на сцену, Самойлов переживает все заново, ищет варианты, как будто все в первый раз.

...Третий звонок.

...«Ну, вот, пожалуйста! Почему не стреляли?» — с этими словами, обращенными к шоферу Гило, на сцене появляется Ленин. Он сумрачный и расстроенный: только что анархисты из банды Левы Чикина напали на его машину. Крупскую, его и Гиля высадили, угрожая оружием, автомобиль угнали. Ленин врывается в действие сразу, неожиданно. Крупская, едва поспевающая за быстрыми шагами мужа, пытается успокоить Владимира Ильича, упрекает его за то, что он поехал, не дождавсь охраны. Ленин на это отвечает рассерженно и резонно: «Товарищи из охраны, очевидно, задержались на митинге, посвященном революционному порядку...»

Именно с этих слов берет начало главная линия и всей пьесы, и ленинского образа — изобилие фразы, пустой, самодовольной и многообещающей, а на деле олицетворяющей разлад между словом и действительностью. Архивеволюционная фраза пьянит и обезоруживает самых преданных партии и республике людей, ис-

тинных пролетариев и красногвардейцев. Вот, например, Тоня-комиссар. Совсем еще девчонка с Самсоньевской мануфактуры, она очень хорошо и быстро усвоила лозунги и громкие слова, сердцем заучила революционные термины и целые тирады. Она не разговаривает, а словно выступает на митинге. Не здоровается с Лениным, а «приветствует дорогого Ильича от имени пролетариев-выборжцев». Не веря в то, что только что произошло с Лениным, она убеждает его, что «у нас обеспечен абсолютный революционный порядок при полном подавлении темного элемента». Она никак не может спуститься на грешную землю со своей мысленной трибуны, чтобы понять жесткие и простые ленинские слова: «Вы несколько запоздали с приветствием, товарищ Антонина. Нас только что ограбили...»

Ленин предстает перед нами как практик, практик в большом и малом, требующий повсеместно «вексель революционной фразы обеспечить валюту революционного действия». Он весь устремлен в практическую работу, с одинаковой серьезностью и заинтересованностью решая вопрос обеспечения Петрограда картошкой и проблемой немедленного мира с Германией, потому что и от того и от другого в меньшей или большей степени, но зависит судьба всей революции.

Ленин у Самойлова — прежде всего борец, человек огромной силы воли и мужества. Убежденный в своей личной правоте и правоте дела, которому он служит, Ленин изображен в спектакле решительным, а порою даже крутым и резким. Эта трактовка ленинского образа непривычна, но справедлива.

Он гневен, когда узнает о фактах нарушения революционной законности, когда сталкивается с восторженным умилением, вместо простого человеческого уважения к нему самому.

Помните, Тоня докладывает ему, что бандиты разоружены, а Лева Чикин лично ею поставлен к стенке. И реакцию Ленина на это:

«Самосуд!.. Но меня уверяли, что с самосудами у нас покончено. Опять вранье?.. Доложите товарищу Урицкому, что я прошу отнестись к этому случаю очень серьезно!»

Узнав, что в рабочем клубе концерт Исаа Добровейна, Владимир Ильич решает отложить свою беседу с рабочими до другого раза: «Решено! Уступаем музыке! Добровейн,

Актеры и роли

Надя. Рабочие слушают Добровейна... Ты понимаешь, что это значит!..»

Ленин осторожно, чтоб не спугнуть музыку, входит в зал. И вдруг оттуда, разрушая звучание рояля, доносится чей-то неумеренный голос: «Да здравствует вождь пролетарской революции! Ура!» И шумные аплодисменты переходят в овацию. И нету музыки.

А теперь проследим за тем уроком, который волею или неволею преподавал Ленин и своим современникам, и нам.

ные речи произносит Тоня-комиссар, и совсем другое, когда, опьяненные первыми победами Октября, даже многие члены ЦК считают, что подписывать мир с Вильгельмом нет необходимости, потому что в Германии вот-вот свершится-де пролетарская революция.

Ленин понимает всю беспочвенность этих надежд, но он по сути одинок в этой своей убежденности. Самые верные — во все другие годы — соратники, и те либо колеблются, увлеченные идеей мировой революции, которая, как они считают, скоро произойдет, или вместе с «левыми коммунистами» вы-

ступают против:

«Пятый раз за последние два дня ставлю этот вопрос перед ЦК. И пятый раз остаюсь на бобах... Поразительное ослепление у членов ЦК».

Сталкиваются два отношения к действительности и революции — реальное, деловитое, вытекающее из глубокого понимания всех противоречий времени, и поверхностное, продиктованное желанием выдать свое «хотение» за действительность.

Ленин идет от жизни, от радостей ее и неудач, от побед и страданий. Существующая реальность — вот основа ленинских выводов. Нет мелочей, судьба каждого и судьба революции — одна судьба. И поэтому, когда Владимир Ильич узнает, что жена Шебуева умерла с голоду, что болеют и мерзнут дети, он делает государственный вывод: «Мир! Любуй ценю. Во что бы то ни стало...»

Видно, как Ленин устал, осунулся. Под глазами круги от бессонницы. Огромных усилий стоит ему сдерживать раздражение. «Последнее время я боюсь, как огня, крикунов и фразеров. Может быть, это делает меня односторонним». Но сквозь все это просвечивают духовная сила и мужество, доброта его и оптимизм.

Образ Ленина в пьесе выписан почти документально. Ленинские мысли, вернее даже ленинские цитаты, драматург заимствует для пьесы. Самойлов своей игрой еще больше углубляет и уточняет достоверность, настолько он соответствует по настроению, по духовному поведению каждой строчке ленинских статей того времени.

Самойлов не стремится показать Ленина всеобъемлюще, всесторонне раскрыть характер этой личности, он цепко и заинтересованно проследживает лишь ту совокупность черт, которые наиболее полно проявились в этот суровый для Родины и самого Ленина момент.

Ленин там, на сцене, борется не только за Советскую республику 1918 года, за каждого из верных революции людей и в ЦК, и среди рабочих, он борется и за то, что через полвека после Октября сидят в зрительном зале. Это огромной силы ленинский урок и предостережение нам. Таким западает в душу ленинский образ, созданный Владимиром Самойловым.

А. ЦИРУЛЬНИКОВ.

НА СНИМKE: народный артист РСФСР В. Самойлов в сцене из спектакля.

Фото М. МАСКИНА.